

Если бы не то, что Чанькунь Чжуоюй был существом такой глубокой и непостижимой силы, Ран Цэньцэнь уже давно обрушила бы на него гнев секты, ведь в её сердце Сюэ Цяньцзе был человеком, не имеющим себе равных в этом мире, воплощением судьбы, чьё имя звучало как предзнаменование. Как мог кто-то осмелиться заявить о себе так дерзко, даже не взглянув на собственное отражение?

Но... подождите. Чанькунь Чжуоюй действительно был невероятно красив. Да, его образ отличался от легендарного облика Сюэ Цяньцзе, тот был алым мечом среди ночи, а этот - лунным светом над пропастью. Но красота его была столь совершенной, что казалось, будто сама природа создала его для того, чтобы люди теряли дыхание.

Честно говоря, при таких чертах даже самые твёрдые патриархи праведных сект могли бы пошатнуться духом, увидев его. Конечно, мастера Зарождения Души могли слегка изменить свою внешность, и потому среди высших культиваторов не было уродов, но достичь внешности Чанькунь Чжуоюя нельзя было никакими техниками. Его красота исходила не из черт лица, а из всего в целом: из движения, из голоса, из тишины между словами, из той невозмутимой уверенности, с которой он занимал пространство, как гора занимает небо.

Внешность рождается из сердца. Одета как божество дева, но кричащая на базаре, вызовет лишь отвращение. А одетый в простую рубаху, но шагающий, будто несёт на плечах весь мир, - будет казаться королём.

Ран Цэньцэнь хотела резко ответить, но, встретившись взглядом с его лицом, на мгновение замешкалась. Она сдержала ярость, проглотила гнев и холодно произнесла:

— Чанькунь Чжуоюй, почему ты считаешь себя Главой Секты Сюэ? Какие у тебя доказательства? Неужели ты во время культивации был одержим демоном сердца и принял себя за него?

— Конечно, есть доказательства, — ответил Чанькунь Чжуоюй, и теперь, когда маска скромности спала, он больше не останавливался. — Глава секты, вы, возможно, не знаете, но я пришёл с самого дна Долины Разбитых Душ.

Ли Синлунь: ...

Зачем ты так легко раскрываешь такие тайны?! — сердце его сжалось, и он быстро схватил Чанькуня Чжуоюя за руку, пытаясь остановить.

Но Чанькунь Чжуоюй понял его намерение, лишь безразлично отмахнулся и сказал:

— Я знаю, ты беспокоишься обо мне, но Глава секты - не чужая мне. В той самой табличке вашей секты записано, что если Сотни Цветов когда-либо присоединятся к демоническому пути, это будет только под руководством Главы Секты Сюэ. А когда у меня ещё были воспоминания... именно Сюэ Цяньцзе был единственным, кому поклонялась секта Сотни

Цветов.

Другими словами, секта Сотни Цветов была одной из тех подчинённых сил, которых он так долго искал!

Ли Синлунь: ...

Он уже говорит «я»...

Забудьте.

С этим больше невозможно что-либо делать.

Лицо Ран Цэньцэнь потемнело. Змеиные узоры на её рукавах вспыхнули ещё более глубоким красным светом, готовые материализоваться и атаковать. Эти змеи не были просто украшением, как тот, что на посохе Учёного Бая, они были Близнецами, священными зверями секты Сотни Цветов, жившими в её рукавах, культивировавшими вместе с ней, питавшимися энергией секты и защищавшими её веками.

Но Чанькунь Чжуоюй продолжал, не обращая внимания на нарастающую угрозу:

— Я размышлял, но в этом мире только Сюэ Цяньцзе мог противостоять божественному массиву. А если я выбрался из божественного заточения на дне Долины Разбитых Душ, кто же я, как не он? Я забыл своё прошлое, оставив лишь слова: «Отсеки прошлое; в испытании смерти найди жизнь». Но с момента пробуждения я знал, что несу великую ответственность. Как я могу быть никем? Моё имя должно быть величайшим. И потому - я и есть Сюэ Цяньцзе.

— Отлично сказано! — раздался насмешливый голос у входа. — Поистине: «Когда в горах нет тигра, обезьяна называет себя царём!» Нет, даже хуже! Обезьяна нарисовала себе на лбу иероглиф «царь» и вообразила себя тигром!

Просто одетый мужчина мяо вошёл в помещение, скрестил руки на груди и с презрением посмотрел на Чанькуня Чжуоюя:

— Раз уж ты настаиваешь, что ты Глава Секты Сюэ, покажи тогда силу Главы Секты Сюэ!

— Мастер! — при виде этого человека Ран Цэньцэнь немедленно вскочила, и две змеи со скользящим шипением выползли из её рукавов и обвилились вокруг ног пришедшего, как будто кланяясь.

— Кто вы? — спросил Чанькунь Чжуоюй, сохраняя полное спокойствие и почтительно сложив руки.

— Ран Вэйжань, — ответил мужчина. — Чанькунь Чжуоюй, веришь ли ты в свои слова или просто болтаешь ерунду, но секта Сотни Цветов не позволит никому осквернять имя Главы Секты Сюэ. Я, как старейшина пятого поколения секты, в юности видел самого Главу Секты Сюэ, и ты совершенно не похож на него. Конечно, можно сказать, что внешность можно изменить, и мы не можем это опровергнуть. Но меч Главы Секты Сюэ нельзя подделать. Если ты действительно веришь, что ты он, то покажи нам свой меч.

— Без проблем, — ответил Чанькунь Чжуоюй, и впервые за долгое время в его глазах вспыхнул настоящий интерес. Наконец-то нашёлся кто-то, кто даёт ему шанс доказать себя. Он не был зол. Он был почти доволен.

Ли Синлунь уже не волновался, у него просто не осталось сил. Он лишь тихо пробормотал:

— Учитель, Ран Вэйжань - старейшина пятого поколения секты Сотни Цветов. Это человек, живший ещё две тысячи лет назад.

Ли Синлунь не знал всех великих имён мира культивации, но о Ран Вэйжане слышал. Сейчас он находился на пике Перерождения Души, но мастерство его в искусстве Гу было глубоким и страшным. Говорили, что в молодости он уже достиг уровня Великого Вознесения, но, осознав, что не сможет пройти испытание Вознесения, он использовал запретную технику секты Сотни Цветов, разрушил свою культивацию и принудительно продлил себе жизнь, прожив уже несколько веков, питаясь ядами.

Теперь древний, как скала, и опасный, как змея в траве, он стоял перед ними.

Каждый глава секты Сотни Цветов был его учеником, и неприкосновенность секты объяснялась не только ядами, но и этим древним существом - живой легендой, чья тень простиралась на два тысячелетия назад. Никто не осмеливался провоцировать того, кто прожил так долго, потому что никто не знал, сколько техник он изучил, какие запретные искусства скрыты в его разуме, сколько жизней он поглотил ради продления своего дыхания.

— Раз это наша секта Сотни Цветов, место поединка, естественно, выбираем мы, — произнёс Ран Вэйжань, и хотя выглядел он молодо, в его глазах горел огонь веков. Он не был красив, просто зауряден, но именно эта обыденность делала его ещё более опасным, как будто сама природа старалась скрыть от мира, что перед ним стоит демон, облачённый в плоть.

— Конечно, никаких проблем, — спокойно кивнул Чанькунь Чжуоюй.

Ли Синлунь вдруг подумал, что дно Долины Разбитых Душ было не так уж плохо. Зачем они вообще выбрались? Там, по крайней мере, не было таких испытаний, где каждый шаг мог стать последним.

Ран Вэйжань повёл их в Пещеру Десяти Тысяч Ядов - мрачное, извивающееся подземелье, вызывающее у любого мастера мурашки по коже, где в глубинах ползали неведомые создания,

чь имена даже не записывались в летописях. Внутри находилось относительно просторное помещение, которое он выбрал в качестве арены. Обычно, чтобы не разрушать постройки, поединки проходили на открытых пространствах, но Ран Вэйжань был уверен, что Чанькунь Чжуоюй не обладает силой, способной пробить защитный массив секты.

— Если ты действительно Глава Секты Сюэ, то даже если эта пещера рухнет, секта Сотни Цветов не станет возражать, — сказал он с лёгкой насмешкой.

— Не беспокойся, я не поврежу это место, — ответил Чанькунь Чжуоюй.

— Тогда покажи нам свой меч.

Меч культиватора мог храниться внутри тела, поэтому отсутствие оружия в руках не было чем-то необычным. Но Чанькунь Чжуоюй действительно не имел — ни меча, ни артефакта, лишь свои белые одежды и невозмутимое выражение лица. Он медленно огляделся, затем сложил руки за спиной и, с видом человека, раскрывающего величайшую тайну пути меча, произнёс:

— В моей руке нет меча, но в моём сердце он есть. Сюэ Цяньцзе нуждался в железном клинке... но мне больше не нужен меч. Это - высшая ступень пути меча.

— Ха! — фыркнул Ран Вэйжань, и чем больше тот говорил, тем сильнее разгорался его гнев. «Не только сравнивает себя с великим Главой Секты Сюэ, но и заявляет, что превзошёл его?! Неслыханная наглость!»

От этого фыркания две змеи со скользящим шипением соскользнули с его плеч, закрутились в воздухе и превратились в двойной клинок - Меч Близнецов, священное оружие секты, сотканное из яда и крови предков.

Ли Синлунь не выдержал. Он снял с большого пальца кольцо, достал деревянный меч и бросил его:

— Учитель, ловите свой меч!

Это кольцо было семейной реликвией семьи Ли. Хотя его называли сокровищем, никто в семье не знал, как им пользоваться, и никто не мог снять его. После передачи оно вращалось в плоть. Когда Ли Синлунь унаследовал его, кольцо приросло к его пальцу, и он просто продолжал носить его как часть себя. Оно не было мешком хранения, но внутри него была малая пустота, размером с коробку. Особого применения он не имел, но теперь пригодилось.

Деревянный меч был одним из тех, что Чанькунь Чжуоюй вырезал на дне долины, планируя использовать их временно, пока не найдёт настоящее оружие. Перед побегом они использовали два - первый разрушился, когда он рассек скалу, а второй при попытке пробить барьер. Остальные хранились в этом кольце.

Как только Чанькунь Чжуоюй поймал меч - вся его аура изменилась.

Хотя в пещере не было ветра, его длинные волосы взметнулись, будто подхваченные невидимой рукой. Красная лента материализовалась в воздухе, стянув его волосы в высокий узел. Изменившаяся причёска словно открыла дверь в другое время и его белые одежды начали пятнаться алым, будто кровь просачивалась изнутри, окрашивая ткань снизу вверх.

В одно мгновение изящный, нежный, как нефрит, господин в белом исчез. На его месте стоял человек в кроваво-красном, чья аура была настолько холодной и жестокой, что воздух вокруг замер, а каменные стены пещеры покрылись трещинами, как будто сами больше не могли выдержать давления. Лицо Ран Вэйжана исказилось от недоверия.

В этом мире можно было подделать всё: прошлые деяния, внешность, даже характер. Но эту уникальную, пропитанную убийством и кровью ауру - нельзя. Она рождается только в сердце тех, кто прошёл через тысячи битв, кто видел, как мир падает перед ним на колени.

Деревянный меч медленно поднялся, и Чанькунь Чжуоюй произнёс, будто обращаясь к самому времени:

— Я знаю, что секта Сотни Цветов хранит верность. Этот поединок не более чем представление. Я не причину вреда пещере, священным зверям... и вам.

С этими словами кончик его меча дрогнул и алый след в воздухе превратился в кровавую тень, вспыхнувшую перед Ран Вэйжанем быстрее, чем тот успел моргнуть. Человек в красном даже позволил себе лёгкую усмешку:

— Но мне действительно не нравится эта обстановка. Ты можешь выбрать арену...но Где мы будем сражаться, решать мне.

Он схватил Ран Вэйжана за ворот и, вспыхнув светом, исчез вместе с ним.

Ран Цэньцэнь и остальные бросились вслед. По всем законам логики они не должны были успеть....но успели.

Они мчались сквозь тоннели, сквозь ядовитые испарения, сквозь ловушки, которые раньше останавливали мастеров Зарождения Души, и сумели достичь тумана Сотни Цветов.

Цветы, казалось, расступались перед ними, клонясь в стороны, как перед своим повелителем. В радиусе нескольких ли вокруг Чанькунь Чжуоюй не осталось ни одного стоящего цветка - все были скошены одной лишь волной его энергии меча. Для него цветочный туман был не более чем тонкой дымкой, рассеянной одним взглядом.

Ран Вэйжань, потащенный в миазм, смотрел на него пустыми глазами. Лёгкий ветерок

шевельнул его волосы и один кроваво-красный лепесток закружился в воздухе, игриво коснувшись его головы, будто признавая.

Казалось, весь мир замер. Сцена, которую невозможно передать кистью, ведь ни одна живая рука не смогла бы запечатлеть и частицы его величия.

Ран Вэйжань и Ран Цэньцэнь опустились на колени.

— Глава Секты Сюэ. — Закрыв глаза, склонились они в поклоне.

<http://bllate.org/book/14629/1297989>